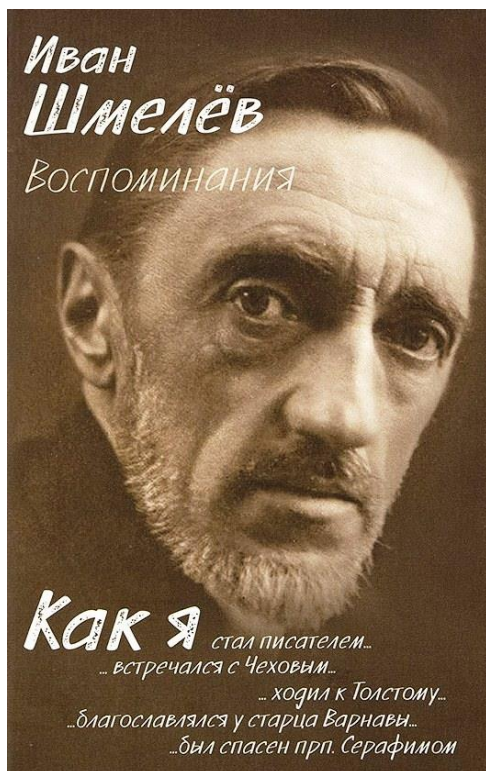

ИВАН ШМЕЛЁВ. ЛЕТО ГОСПОДНЕ В СИЯЮЩЕЙ ДУШЕ

(3 октября 1873 г. – 24 июня 1950 года)

Иван Сергеевич Шмелёв тяжело переживал отчуждение от Родины, тосковал по русскому быту и широкой масленице, мечтал о возвращении в Россию, в любимую Москву. Вдали от родного дома разве может быть так сытно, благостно и розово? На чужбине всё другое, - и солнце светит не так, и ветер дует иначе... Мечта писателя сбылась, - он вернулся - после смерти. Мощный по силе слова и эмоциональности удивительный, уникальный роман «Лето Господне» написан о русских и для русских, для тех, кто любит народную традицию, культуру, - чужим его не понять. Соотечественники познакомились с произведениями писателя только в конце 80-х, – до того в СССР произведения Шмелёва были запрещены. И не только потому, что автор – эмигрант, но и потому, что тот всей душой ненавидел большевистский строй, подрубивший под корень историческое дерево патриархальной Руси, а ещё потому, что вместе с другими обиженными «пилигримами» он восторженно приветствовал «рыцаря на белом коне» - Адольфа, который поднял меч на Дьявола и который обязательно восстановит Святую Русь, и тогда все они - отверженные, вернуться в родной дом, счастливые и довольные, и заживут, лучше прежнего. Но у Гитлера таких планов не было, а были планы «Ост» и «Барбаросса» об уничтожении СССР. О том, что нацизм - сатанинское зло, эмигранты быстро поняли, - когда фашисты стали истреблять советских людей, сжигать деревни и сёла, стирать с лица земли города; глубокое разочарование раздавило Ивана Сергеевича, потрясение было так велико, что писать он больше не мог, - силы оставили его, он умер - в полной нищете.

Спокойно, уютно, благостно ощущаешь себя в ауре автобиографического романа Ивана Сергеевича Шмелёва «Лето Господне», здесь нет конфликта отцов и детей, государства и церкви, человека и государства, а есть сладостное чувство безмятежного детства, любви между отцом и сыном, покой и надёжность внутри старинной русской семьи, гармония с миром природы. Ребёнок растёт в ласке, доброте, семейном тепле: - *«В самоварах, на долгих дужках, — сбитень. Сбитень? А такой горячий, лучше чая. С мёдом, с имбирём, — душисто, сладко. стакан — копейка. На снежку, в лесу... приятно! Потягиваешь понемножку, а пар — клубами, как из паровоза. До ночи прогуляешь в ёлках. А мороз крепчает. Небо — в дыму — лиловое, в огне. На ёлках иней. Морозная Россия, а... тепло!..»*

Ах, как хорошо и радостно жить на свете, - читается в романе, - и каждый день Господь среди нас! А Москва такая нарядная с храмами, хоромами боярскими да княжескими! Здесь и живёт мальчик Иван Шмелёв.

Родился Иван Сергеевич в Замоскворечье, в старинной купеческой семье с почтенными традициями: ещё во времена царя Алексея Михайловича и царевны Софьи московские купцы Шмелёвы славились как ревнители веры и знатоки Писания. Не удивительно, что Ивана Сергеевича станут называть «певцом сияющей православной души».

«Лето Господне» - одно из немногих произведений русской литературы, где автор с трепетом и восторгом глазами ребёнка описывает Святую Русь - изначальную, корневую, в которой сохранились старинные религиозные праздники, православные обычаи, традиции, быт простых людей. Думал ли Иван Сергеевич, что вся жизнь его вернётся из детских далей через много лет, всё вспомнится, как живое - до голоса, до слезинки, до запаха, и сложится в могучий роман? Не зря его дважды, среди прочих, представляли к Нобелевской премии, - но премию получил Иван Бунин.

Мальчик сильно привязан к отцу, доброму и энергичному; тот с пяти лет берёт сына с собой на подряды, учит общаться с мастерами, наблюдать за работой артельщиков. Мальчика учат понимать, почему надо хорошо ухаживать за коровами, курами и свиньями, умело тащить баржи по вздыбленной льдом Москва – реке, строить добротные дома, - и всякое дело надо делать с душой.

Иван любил бывать на Воробьёвых горах, с высоты такая благодать, аж дух захватывает, Москва величавая распласталась внизу в золочёных храмах, среди лужков – Новодевичий монастырь. А кругом сады яблоневые, льётся аромат грушевых - пятак ведро, огороды ломаются от огурцов и репы: *«Мы сидим в замятой траве; пахнет последним летом, сухою горечью, яблочным свежим духом; блестят паутинки на крапиве, льются-дрожат на яблоньках. Кажется мне, что дрожат они от сухого треска кузнечиков».*

А яблочек-то, яблочек сколько в Воробьёвых садах растёт: *«вот белый налив, — «если глядеть на солнышко, как фонарик!» — вот ананасное-царское, красное, как кумач, вот анисовое монастырское... А я дышу и дышу этим сладким и липким духом... Солнце уже косится. Вдали золотеет темно выдвинувшийся над крышами купол Иван-Великого. Окна домов блистают нестерпимо, и от этого блеска, кажется, текут золотые речки, плаваются здесь, на площади, в соломе. Все нестерпимо блестяет, и в блеске играют яблочки. Смотрю на небо: такое оно спокойное, так бы и улетел в него. Праздник Преображения Господня... Едем с яблоками мимо Казанской, крестимся. Едем по пустынной Якиманке, мимо розовой церкви Ивана Воина, мимо виднеющейся в переулке белой — Спаса в Наливках, мимо желтеющего в низочке Марона, мимо краснеющего далеко, за Полянским Рынком, Григория Неокессарийского. Над низкими крышами и садами горит на солнце великий золотой купол Христа Спасителя. И везде крестимся».*

Собрали яблоки и поехали в церковь святить, а там весело, будто в гостях: *«и церковь — совсем ни церковь. И Господь здесь со всеми, и Он тоже думает об яблоках: Ему-то и принесли их — посмотри, Господи, какие! А Он посмотрит и скажет всем: «ну и хорошо, и ешьте на здоровье, детки! И будут есть уже церковные яблоки, святые. Это и есть — Преображение. А*

знакомый дьякон нарочно, будто, три раза хлопает меня мокрой кистью по голове, и холодные струйки попадают мне за ворот. Все едят яблоки, такой хруст. Певчие даже жуют на клиросе».

Вся Москва Яблочный Спас празднует: - «Спас Нерукотворный пойдет из Кремля в Донской монастырь крестным великим ходом, а Пречистая выйдет Ему навстречу в святых воротах. И поклонятся Ей все Святые и Праздники, со всех хоругвей, все воспоют... и певчие чудовские, и монахи донские, и весь крестный ход — «Царю Небесный...» а потом — «Богородице Дево, радуйся». Начинается Крестный ход... Колышется-плывет сонм золотых хоругвей, благословляет нас всех, сияет Праздниками, Святыми, Угодниками, Мучениками, Преподобными... Что-то я постигаю в этот чудесный миг... — есть у людей такое... выше всего на свете... — Святое, Бог!

...За народом идут разносчики: мороженщики, грушники, пышечники, квасники, сбитенщики, блинчики, пирожники, с печеными яичками, с духовитой колбаской жареной; везут тележки с игрушками, с яблоками, с арбузами, с орехами и подсолнушками; проходят парни с воздушными шарами. У монастыря раскинутся чайные палатки, из монастырского сада яблоки будут продавать».

А как дело на весну пойдёт - будет ледаколье, с Москва — реки лёд повезут в погреба для сохранности закромов, везут и себе, и в подряд артелью работают, торопятся, отец сам руководит, по четыреста возов в день возят. И мальчик целый день с ними, учится купеческому делу.

А в масленицу бывало так: «И Бог на небе, за звездами, с лаской глядел на всех: масленица, гуляйте! Оттепели все чаще, снег маслится. С солнечной стороны висят стеклянною бахромою сосульки, плавятся-звякают о льдышки. Прыгаешь на одном коньке, и чувствуется, как мягко режет, словно по толстой коже. Прощай, зима! Масленица в развале. Такое солнце, что разогрело лужи. Сараи блестят сосульками. Идут парни с веселыми связками шаров, гудят шарманки»

А Москва праздничная, вся в церквях - нарядных куполах: - «Гляди, Кремль-то наш, нигде такого нет. Все соборы собрались, Святители-Чудотворцы... Спас-на-Бору, Иван-Великий, Золота Решетка... А башни-то каки, с орлами! И татары жгли, и поляки жгли, и француз жег, а наш Кремль все стоит. И довеку будет. Крестись... А это — Башня Тайницкая, с подкопом. С нее пушки палят, в Крещенье, когда на Ердань ходят», - это с гордостью за Москву рассказывает простонародным языком приставленный к ребёнку Михаил Горкин, - человек старинный, заповедный, не мог уже работать плотником и был воспитателем и первым учителем мальчика, он привил интерес будущего писателя к природе, религии, следил за соблюдением в первостатейном виде строгих правил долгого поста и короткого разговения, религиозных правил в семье, вместе они читали Евангелие, ходили в церковь. В прощёное воскресенье Горкин «кланяется мне в ноги и говорит — «прости меня, милоч, Христа ради». Я знаю, что надо делать, хоть и стыдно очень: падаю ему в ноги, говорю — «Бог простит, прости и меня, грешного», и мы

стукаемся головами и смеемся, и делается легко, будто грехи очистились... Нельзя сердиться — прощенный день».

Отец щедро одаривает деньгами: стряпухам - по целковому, остальным по двугривенному, праздник всё-таки большой! В доме широкое застолье: «Стол огромный. Чего только нет на нем! Рыбы, рыбы... икорницы в хрустале, во льду, сизи в петрушке, красная семга, лососина, белорыбница-жемчужница, с зелеными глазками огурца, глыбы паюсной, глыбы сыру, хрящ осетровый в уксусе, фарфоровые вазы со сметаной, в которой торчком ложки, розовые масленки с золотистым кипящим маслом на камфорках, графинчики, бутылки... Архиерей сухощавый, строгий, — как говорится, постный. Кушает мало, скромно. Протодьякон — против него, громаден, страшен. Я вижу с уголка, как раскрывается его рот до зева, и наваленные блины, серые от икры текучей, льются в протодьякона стопами. Плывет к нему сиг, и отплывает с разрытым боком. Льется масло в икру, в сметану. Льется по редкой бородке протодьякона, по мягким губам, малиновым. За ухую и растегаями — опять и опять блины. За ними заливное, опять блины, уже с двойным припеком. За ними осетрина паровая, блины с подпеком. Лещ необыкновенной величины, с грибами, с кашкой... наважка семивериковая, с белозерским снетком в сухариках, политая грибной сметанкой... блины молочные, легкие, блинцы с яичками... еще разварная рыба с икрой судачьей, с поджарочкой... желе апельсиновое, пломбир миндальный — ванилевый...». К утру наелись — напились гости, в праздник позволяется. Можно ли такое спокойно читать, не захлебываясь слюной?

Под стенами Кремля ярмарка постная, где всё дышит, пахнет, дымит, сочнеет, - невозможно устоять, так и хочется вкусно попробовать: - «Несут вязки сухих грибов, баранки, мешки с горохом. Везут на салазках редьку и кислую капусту. Какой же великий торг! Широкие плетушки на санях, — все клюква, клюква, все красное. Ссылают в щепные короба и в ведра, тащат на головах. И синяя морошка, и черника — на постные пироги и кисели. А вон брусника, в ней яблочки. Сколько же брусники! — Вот он, горох, гляди... хороший горох, мытый. Розовый, желтый, в санях, мешками. Широкие кади капусты на санях, кислый, вонький дух. Золотится от солнышка, сочнеет. Валят ее в ведерки и в ушаты, гребут горстями, похрустывают — не горчит ли? А вот и огурцами потянуло, крепким и свежим духом, укропным, хренным. Играют золотые огурцы в рассоле, пляшут. Вылавливают их ковшами, с палками укропа, с листом смородиновым, с дубовым, с хренком. А вот вороха морковки — на пироги с лучком, и лук, и репа, и свекла, кроваво-сахарная, как арбуз. Пьем сбитень, обжигает. — Постные блинчики, с лучком! Грец-щневые-ллуковые блинчики! Дымятся луком на дощечках, в стопках. — Великопостные самые... сах-харные пышки, пышки!.. Противни киселей — ломоть копейка. Трещат баранки. Сайки, баранки, сушки... калужские, боровские, жиздринские, — сахарные, розовые, горчичные, с анисом — с тмином, с сольцой и маком... переславские бублики, витушки, подковки, жавороночки... хлеб лимонный, маковый, с шафраном, ситный весомой с изюмцем, пеклеванный — Ешь, Москва, не жалко!.. А вот и медовый ряд.

Пахнет церковно, воском. Малиновый, золотистый, — показывает Горкин, — этот называется печатный, энтот — стеклый, спускной... а который темный — с гречишки, а то господский светлый, липнячок-подсед. Липонки, корыта, кадки. Варенье. А там великопостный сахар, похожий на лед зеленый, и розовый, и красный, и лимонный. А вон, чернослив моченый, россыпи шепталы, изюмов, и мушмала, и винная ягода на вязках, и бурачки абрикоса с листиком, сахарная кунжутка, обсахаренная малинка и рябинка, синий изюм кувшинный, самонастояще постный, бруски помадки с елочками в желе, масляная халва, калужское тесто кулебякой, белевская пастила... и пряники, пряники — нет конца. А вот и масло. На солнце бутылки — золотые: маковое, горчишное, орешное, подсолнечное... Пахнет соленым, крепким. Как знамя великого торга постного, на высоких шестах подвешены вязки сушеного белого гриба. Боровички можайские! Архиерейские грузди, нет сопливей!.. Лопаснинские отборные, в медовом укусу, завалены грибами сани, кули, корзины...» Едал ли ты такое, постное, дорогой читатель?

И какой архаичной стариной, стабильностью веет от московской жизни! И кажется, никаким ветрам безверия, порухи не свались вековые устои первопрестольной Москвы, патриархальной семьи. Но случилась революция и гражданская война, раздавили они основы многовековой святой Руси, рассыпался Дом Российской империи. Куда деваться?

Искренне и тепло Иван Сергеевич вспоминает счастливое детство, которое скоро закончится, а следом закончится и история старой Руси. Сильный удар патриархальной укладу в своё время нанесла Никоновская реформа церкви, следом петровские преобразования рушили основы православия, - тогда Россия выстояла - выдержала удары под дых, но внутренние раздоры, когда все против всех, когда брат против брата, сын против отца войной пошёл, - рухнула. Вздыбилась Тройка – Русь, растоптала корневой уклад жизни, надеялись – ненадолго, не качнётся Русский Дом, в фундаменте которого крепкая вера, незыблемость самодержавия и труд во благо Отечества, а не нет - рухнул колосс российский. Понять, смириться, - не всем удалось, - надеялись на вражескую подмогу, - уж лучше чужеземцы на престоле, чем народные Советы. Не дождался часа отмщения, ринулись в эмиграцию, думали – к сытным пирогам, а оказалось – в нищету. А пироги остались в России.

Вместе с Иваном Сергеевичем наполняешься приятностью «розовых» воспоминаний о праздничном звоне колоколов, о широте и богатстве московской ярмарки, о великом празднике Рождества. Вот уж когда сытно-то было: - *«Шесть недель постились, ели рыбу. Кто побогаче — белугу, осетрину, судачка, наважку; победней — селедку, сомовину, леца... У нас, в России, всякой рыбы много. Зато на Рождество — свинину. В мясных, бывало, до потолка навалют, словно бревна, — мороженые свиньи. Окорока обрублены, к засолу. Так и лежат, рядами... А мороз такой, что воздух мерзнет. Инеем стоит, туманно, дымно. И тянутся обозы — к Рождеству. Мужики здоровые, тамбовцы, с Волги, из-под Самары Везут свинину, поросят, гусей, индюшек. Рябчик идет, сибирский, тетерев-глухарь... Все распродадут, и*

сани, и лошадей, закупают красного товару, ситцу, — и домой. Перед Рождеством, на Конной площади, в Москве, — там лошадьями торговали, — стон стоит. И вся — в санях. Мороженые свиньи — как дрова лежат на версту. Завалит снегом, а из-под снега рыла да зады, поросячий ряд, на версту. А там — гусиный, куриный, утка, глухари-тетерьки, рябчик... Прямо из саней торговля. Широка Россия, — без весов, на глаз... Богато жили... Перед Рождеством, дня за три, на рынках, на площадях, — лес елок. А какие елки! Этого добра в России сколько хочешь. Мужики, в тулупах, как в лесу. Народ гуляет, выбирает. Костры горят, погреться. Дым столбами. В Сочельник, под Рождество, — бывало, до звезды не ели. Кутью варили, из пшеницы, с медом; взвар — из чернослива, груши... Ставили под образа, на сено. Почему?.. А будто — дар Христу. Бывало, ждешь звезды, протрешь все стекла. А звезд все больше. На черном небе так и кипит от света, дрожит, мерцает. А какие звезды!.. Усатые, живые, бьются, колют глаз. В воздухе то мерзлость, через нее-то звезды большие, разными огнями блещут, — голубой хрусталь, и синий, и зеленый, — в стрелках. И звон услышишь. И будто это звезды — звон-то! Морозный, гулкий, — прямо, серебро. В Кремле ударят, — древний звон, степенный, с глухотцой. А то — тугое серебро, как бархат звонный. И все запело, тысяча церквей играет. Идешь из церкви. И все — другое. Снег — святой. И звезды — святые, новые, рождественские звезды. Рождество! Посмотришь в небо. Где же она, та давняя звезда, которая волхвам явилась? Вон она! И — на душе тепло, от счастья». И солнце в Рождество совсем другое, морозным шаром всплывает, пламенеет. И в доме радостно: полы натерты мастикой, зажжены лампадки, елка горит огнями, вся семья отправляется в храм.

Печки трещат-пылают в котлах кипит – варится угощение: *«Какие запахи! Пахнет мясными пирогами, жирными щами со свиной, гусем и поросенком с кашей... — после поста так сладко. Это густые запахи Рождества, домашние. Священные — в церкви были...Жарко, светло и сытно. Входит похожий на монаха, в суконном колпаке, с посохом, сивая борода в сосульках. Колпака не снимает, начинает закрепивать все углы и для чего-то дует — «выдувает нечистого»? Глаза у него рыжие, огнистые. Ему все кланяются, и он садится под образа. ...Он страшно кричит на всех будто попугаю:— Кури-коко тата, я сирота, я сирота!.. Едят горячую солонину с огурцами, свинину со сметанным хреном, лапшу с гусиными потрохами и рассольник, жареного гуся с мочеными яблоками, поросенка с кашей, драчену на черных сковородах и блинчики с клюквенным вареньем. Все наелись, только певчий грызет поросычью голову и просит, нет ли еще пирогов с капустой... Я засыпаю в натопленной жарко детской. Приходят сны, легкие, розовые сны... из розового детства».*

А потом наступает Крещенье - Богоявление, будет весёлое купание в ледяной воде, и опять дух захватывает от счастья: - *«из Кремля крестный ход на реку пойдет. Животворящий Крест погружать в ердани, пушки будут палить. А кто и окунается будет, под лед. И я буду, каждый год в ердани окунаюсь. Мало что мороз, а душе радость...Отец сводит меня на лед и ставит на ледяную глыбу, чтобы получше видеть. Из-под кремлевской стены, розовато-седой с морозу, несут иконы, кресты, хоругви, и выходят серебряные священники, много-много. В солнышке все блестит — и ризы, и иконы, и золотые куличики архиереев — митры...Валит за ними по сугробам великая черная толпа, поют молитвы, гудят из Кремля колокола».* Палят пушки, все окунаются и соревнуются: кто дольше в воде просидит. Хорошо! И такая чистота в душе разливается, будто и ты, читатель, с Христом покрестился!

Когда у Ивана Шмелёва проявилась склонность к писательству? Родилось это в детстве, в семье уделялось внимание образованию под руководством матери, особенно русской литературе. Правда, позднее писатель поведал миру совсем не благодатную картину: *«Задёрванный дома, я ничего не понимал по русской грамматике, и мать наказывала меня розгами... Призывалась кухарка, — здоровущая баба — она держала жертву, а мать секла меня до — часто — моего бесчувствия. После наказания пол был усеян кусками берёзовых веток, всё моё тело было покрыто рубцами, а меня силой заставляли ходить в баню! Понимаешь? Когда меня силой втаскивали в комнату матери, и шли где-то приготовления к пытке (искали розог) я, маленький, худой, с кулачками у груди молил чёрную икону Казанской Божьей матери — спаси, помоги! И так иногда три раза в неделю... Потом, годы спустя, я уже мог бороться. Помню — мне было тогда 12 лет — схватил хлебный нож. Тогда — кончилось...»*. Но в «Лете Господнем» нет и намёка на истязания, а лишь благодать и семейное тепло: *«Усталый от строгих дней, от ярких огней и звонов, я вглядываюсь за стеклышко. Мреет в моих глазах, — и чудится мне, в цветах, — живое, неизъяснимо-радостное, святое... — Бог?.. Не передать словами. Я прижимаю к груди яичко, — и усыпляющий перезвон качает меня во сне»*, - такой в романе представлена Пасха. На самом деле Пасха выглядела совсем иначе: - *«И ещё помню — Пасху. Мне было тогда лет 12. Я был очень нервный, тик лица. Чем больше волнений, тем больше передёргиваний. Разговлялись ночью, после ранней обедни. Я дёрнул щекой — мать дала мне пощёчину. Я — другой — опять. Так продолжалось всё разговорие, слёзы мои капали на пасху — солёные, наконец я выбежал в чулан под лестницу и плакал»*.

Через много лет обиды утихли, слёзы высохли, Иван Сергеевич сумел переплавить в себе жестокий мир взрослых в мир детский грёз, и родилось другое – счастливое «Лето Господне», в котором красной нитью проходит

понимание того, что страдания и смерть не так страшны, как грехопадение, и что самое важное - спасение души.

Когда Ване было семь лет, в дом постучалась беда: всегда занятый, много работающий по хозяйству и на подрядах отец упал с лошади, сильно разбился и больше не вставал, скоро умер. Все заботы о семье, шестерых детях, о сохранении хозяйства в надлежащем виде взяла на себя мать. Артель распустили, подрядов не брали, небольшой доход давали бани, сдача в аренду третьего этажа и подвала их дома, и всё. Детство мальчика закончилось в одиннадцать лет, когда не стало денег оплачивать частный пансион, пришлось искать дешёвую гимназию. Учёба давалась нелегко, не нравились преподаватели, - сухие, равнодушные. Однако, из стен Московской гимназии он вышел совершенным отличником, до золотой медали не дотянул полбалла. Первым писательский талант мальчика заметил учитель словесности Фёдор Цветаев, дядя Марины Цветаевой, за лирическую зарисовку «*Летний дождь в лесу*» будущий писатель получил пятерку с тремя плюсами.

Потом Иван стал студентом факультета юриспруденции Московского университета, первые произведения появились на страницах литературных журналов. Максим Горький, сам хлебнувший через край насилие в семье, понял молодого писателя и поддержал его литературное творчество.

Пока учился – женился на Ольге Охтерлони, в ее жилах текла кровь знатных шотландских дворян, отец участвовал в обороне Севастополя. В свадебное путешествие молодые отправятся на святой остров Валаам. Вскоре выйдет его первая книга «На скалах Валаама». После учёбы год служит в армии. Вместе с семьей Иван Сергеевич поселяется во Владимире, поступает на казённую службу, но скоро возвращается в Москву, вступает в литературный кружок «Среда», посещает Общество Любителей Русской Словесности, тут-то и произойдёт судьбоносное знакомство с Александром Куприным, Иваном Буниным, Львом Толстым, Федором Шаляпиным, с Антоном Павловичем Чеховым.

Его ранние произведения носили критический характер, ему не свойственно было слащавое словоблудие. Но в эмиграции, соскучившись по России и прозрев, силой своей ясновидящей мысли он воскрешает из небытия потерянный рай и создаёт совсем другое, приятное и благостное «Лето Господне», чтением которого мы с вами бесконечно наслаждаемся.

Как Шмелев оказался в эмиграции? Он видел, что революция в России день ото дня нарастает, рушится стабильность, в столицах хаос и жестокость, он забирает жену и сына Сергея, офицера царской армии, прошедшего Первую мировую войну, и отправляется с ними в Крым, покупает там дом с участком, много пишет. В это время Красная армия разбила Деникина, с боями отвоевала у Врангеля Крым, сына писателя арестовывают и казнят, - молодому человеку было 25. Иван Сергеевич тяжело переживает гибель сына, он эмигрирует во Францию, до конца жизни проживает в Париже, общается с писателями русской эмиграции.

Иван Сергеевич сильно скучал по России: - *воздуху мне нет, я чужой здесь, в этой страшной шумом Европе. Хоть в пустыню беги - на Афон - ищи Бога*, - сетовал он. С годами материальное положение писателя становилось все хуже, особенно после смерти жены, - мода на озлобленных, страдающих русских писателей - поэтов прошла. Конец жизни он встретил в полной нищете, местом упокоения стало кладбище русских эмигрантов – Сент-Женевьев-де-Буа.

После распада СССР советский строй рухнул, тогда вспомнили о русских эмигрантах, - в алуштинском доме, где писатель жил с семьей до отъезда за границу, открыли музей. С тех пор Иван Сергеевич Шмелев получил признание в России. Он так мечтал вернуться на родину! Мечта сбылась - в 2000-м году останки его перевезли в Россию и предали земле в Донском монастыре Москвы, рядом с ним супруга и сын. Тут же покоятся и другие возвращенцы, -хоть так, но домой, - те, которые беззаветно любили Россию, ту, дореволюционную, но во время войны не остались в стороне, - собирали деньги в помощь России, организовали движение Сопротивления.

P.S. Когда В.В. Путину показали могилы Антона Деникина с супругой, Ивана Ильина и Ивана Шмелева с семьей, чьи надгробия требовали реставрации, - деньги были выделены немедленно.

